

— Въ томъ-то и штука, что ты ничѣмъ этого не заслужила и ничего не сдѣлала. Ты бѣла какъ снѣгъ, и чиста какъ горный ручей. Только ты не спроста сюда пріѣхала и смиренницей прикидываешься! Нѣтъ, стараго воробья на мякинѣ не поймашь!

Анна пожалала плечами и, понуривъ голову, удалилась. Она медленно шагала по тонкому песку, опираясь на длинную палку зонтика. Вся фигура ея выражала усталость. Казалось, будто она сгибалась подъ бременемъ гнетущей тяжести, и встрѣчные невольно оборачивались на нее. Одинъ скульпторъ, задумавшій создать эмблему скорби, долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, и потомъ весь вечеръ старался придать своему изваянью ея позу и выраженіе ея лица.

— Зачѣмъ это она, безпутная, пріѣхала въ Трувиль, — воскликнула Александра Ивановна: — что ей здѣсь понадобилось?

— Она, кажется, дѣйствительно оченъ несчастна...

— Она шальная, Богъ съ ней! Ты ее часто не зазывай, Вѣра.

— Однако, согласись, мама, что она, кромѣ любезнаго, ничего не сказала мнѣ, за что же мнѣ обходиться съ ней грубо?

— Ну, конечно; пусть иногда приходитъ.

Подбѣжали дѣти. Игры и морской воздухъ развили аппетитъ. Разгорѣвшіяся личики пріютились подъ тѣнью палатки. Дѣвочки показывали свои сокровища, т.-е. корзинку съ разноцвѣтными раковинами. Александра Ивановна надѣлила всѣхъ тартинками, и голодные зубки поспѣшно проглотили вкусныя яства. Беззаботно и счастливо проходило время. Никто не думалъ о темныхъ сторонахъ жизни, ни даже о завтрашнемъ днѣ, а если и думалъ, то для того только, чтобы дѣлать новые планы забавъ и веселья.

Закусивъ, дѣти снова убѣжали. Бѣби съ бабушкой пошелъ купать Марка, бѣлаго сестера, добраго друга всего семейства, неразлучнаго товарища Бѣби. Вѣра Андреевна осталась одна передъ необъятымъ моремъ, начинавшимъ приливать. вмѣстѣ съ приливомъ оно начало напѣвать ту монотонную пѣсню, про которую Александра Ивановна только-что говорила дочери. Вѣра Андреевна прислушивалась къ этой пѣснѣ, и первый разъ въ жизни на дуноу ея стало ложиться что-то тоскливое, гнетущее...

„Петя отлучается все чаще и чаще, — думалось ей, — и отлучки его дѣлаются все дольше и дольше. Въ его рожденіе его въ первый разъ не было дома, а когда онъ пріѣхалъ, онъ былъ какой-то безпокойный. Тогда онъ въ первый разъ рассердился на Сашу и закричалъ на меня, чтобы я бросила „надоѣдливую заботливость“... А ласки его — то да не то“ — подсказало ей что-то въ самой глубинѣ сердца.